

На Землях Крайнего Севера было неспокойно.

В даосском ордене Куньлунь в последнее время всё шло кувырком. Чуть больше месяца назад чета владык демонов бесцеремонно явилась прямо к воротам, громко требуя справедливости и сыпля обвинениями. Вслед за этим последовало пробуждение древней Громовой формации на Террасе Испытания Совесть, а вишенкой на торте стал побег первого ученика Янь Фуи... Глава ордена, Дхармический достопочтенный Божественного Звука Ли Аньши, тут же издал указ: объявить этого неблагодарного мерзавца, воспитанника Достопочтенного Меча Вопросающего Небо, в розыск по всем Девяти Провинциям.

Мир самосовершенствующихся уже целый месяц смаковал эти грязные подробности, откровенно потешаясь над опозоренным орденом.

Впрочем, Пик Меча эта суматоха почти не затронула.

Там праздновали своё маленькое чудо. Младший шисюн Янь Тиншуан внезапно снизошёл до глубокого озарения, пробудив в себе редчайшие врождённые кости меча, которые прежде были запечатаны из-за его слабого здоровья. Его духовная сила мгновенно взлетела до небес.

Достопочтенный Меч Вопросающий Небо, чей лик обычно напоминал вечный ледник, теперь то и дело мягко улыбался. Он даже отложил привычное уединение: целыми днями они с Тиншуаном были неразлучны, и старейшина даже снизошёл до того, что провёл для простых учеников пару открытых лекций.

Среди адептов тут же поползли слухи. О том, как Шан Цинъюэ баловал и опекал своего младшего ученика, знали все — для этого и глаз иметь не требовалось. На Пике Меча давно перешёптывались об истинной природе их связи, а теперь, когда эти двое буквально светились от нежности и даже не пытались скрывать своих чувств, сомнений не осталось ни у кого.

Наверняка со дня на день они объявят о союзе и официально станут спутниками на тропе Дао.

Один — холодный, недостижимый старейшина, другой — живой, жизнерадостный юноша. Оба ослепительно красивы, статны, и вместе смотрелись так гармонично, будто сама судьба выковала их друг для друга.

Пока над орденом сгущались мрачные тучи, на Пике Меча царил безоблачный счастье. Янь Тиншуан буквально сиял от самодовольства. Он всё больше убеждался в собственной исключительности: стоило лишь избавиться от назойливого, вечно раздражающего старшего брата, как жизнь тут же заиграла новыми красками.

Его триумфальное настроение достигло апогея, когда до Пика донеслась весть: в орден с

визитом прибыл сам Истинный владыка Цзинься с Горы Неоставления.

Истинный владыка Цзинься был пятым учеником легендарного бессмертного патриарха Горы Неоставления и старшим братом нынешнего главы этого ордена. А ещё — учителем Ли Цинхэ, которому когда-то крупно повезло заслужить его благосклонность.

Цзинься славился своей любовью к поиску новых талантов, и в голове Тиншуана тут же созрел план. Если использовать связи Ли Цинхэ и показаться владыке во всей красе, можно напроситься на испытания в тайную обитель Горы Неоставления, которые устраивали как раз перед Великим турниром орденов Девяти Провинций. Это открыло бы перед ним такие горизонты, о которых обычные заклинатели не смели и мечтать.

Вершина Облаков, главный пик Божественного Звука Даосского ордена Куньлунь

Янь Тиншуан послушно и кротко сидел на циновке подле своего наставника. Истинный владыка Цзинься неторопливо прощупывал его пульс. Лицо юноши выражало лишь благоговение и детское любопытство, однако под широким рукавом его пальцы судорожно сжались в кулак от крайнего напряжения.

Владыка Цзинься задумчиво поглаживал ухоженную бородку. Его глаза были полуприкрыты, а в душе зрело разочарование.

На первый взгляд, кости этого юнца казались великолепными. Да, в детстве он явно страдал от слабости тела, но благодаря многолетнему уходу и редким снадобьям врождённый недуг давно сошёл на нет.

Однако за этим блеском скрывалась какая-то фальшь. Способности Тиншуана казались Истинному владыке карточным домиком — ярким, но лишённым прочной, выносливой основы. База его совершенствования была пугающе зыбкой.

Заметив, как угасает едва возникший интерес на лице гостя, Тиншуан занервничал. Его глаза повлажнели, а веки слегка порозовели. Он умоляюще уставился на Шан Цинъюэ.

Кожа юноши была безупречно белой, а черты лица — тонкими и нежными, так что эта внезапная слабость придавала ему донельзя трогательный, беззащитный вид. Любой другой мужчина тут же бросился бы его утешать.

Но Достопочтенный Меч Вопросающий Небо остался бесстрастен. Он лишь молча сделал глоток из пиалы, не выказывая никаких эмоций.

Истинный владыка Цзинься, будучи почётным гостем, заслуживал уважения, однако они с Шан Цинъюэ находились на одной ступени совершенствования — оба достигли уровня Достопочтенных. К тому же Цинъюэ привык держать себя сухо и отстранённо; унижаться

перед равным ради каприза любимого ученика было выше его гордости.

Янь Тиншуана захлестнула волна горькой обиды. Но в присутствии посторонних он привык лишь кротко ластиться к наставнику, послушно принимая любые дары и не смея перечить. Потребовать чего-то прямо сейчас он просто не отваживался.

— Владыка Цзинься... — робко подал голос Янь Тиншуан, собрав всю свою смелость. — В последнее время в нашем ордене произошло столько потрясений. Моё здоровье от природы слабое, и сейчас я постоянно чувствую странную слабость и застой в меридианах. Скажите, со мной всё в порядке?

Он почти не врал. Избалованный многолетней заботой, Тиншуан привык к чистейшим пилюлям высочайшего качества. Теперь же, когда его брат сбежал, ситуация изменилась. Хотя Сяо Фэн и выкрал рецепты Янь Фуи, сам он в алхимии не смыслил. Пику Эликсиров приходилось несладко, а пилюли теперь заказывали у обычных адептов Зала Эликсиров и Трав. Те же постоянно откладывали работу, ленились и подсовывали Тиншуану дешёвые суррогаты из низкосортного сырья.

— В этом нет ничего страшного, — благодушно отозвался владыка Цзинься. — Тело заклинателя выносливо по своей природе. Твоё недомогание вызвано лишь душевным смятением, основы твоих меридианов целы. Потерпи немного, и всё пройдёт само собой.

Шан Цинъюэ слегка покачал головой:

— Мой ученик слишком изнежен. Прошу прощения за его навязчивость, владыка.

— О чём вы, господин Вэньтянь, — мягко прищурился Цзинься. — Я давно наслышан о том, с какой теплотой вы относитесь к своим подопечным. Этому юноше несказанно повезло с наставником.

Достопочтенный Меч опустил взор. Тонкие пальцы медленно повернули белоснежную пиалу. В его жесте проскользнула едва заметная натянутость.

Тиншуан этой неловкости не заметил. В его груди klokотали обида и гнев. Он пошёл на такие жертвы ради пробуждения этих костей, а этот заносчивый старик с Горы Неоставления даже не посмотрел на него как на сокровище! Ни единого намёка на приглашение в тайную обитель!

Ладно наставник, но почему молчит Ли Цинхэ? Неужели этот трус до сих пор злится на него из-за предательства Янь Фуи и проецирует свою злость на невинного шисюна?

«Этот проклятый Янь Фуи, — в бессильной злобе подумал Тиншуан, — даже после своего побега умудряется портить мне жизнь!»

Стиснув зубы, Тиншуан решился действовать сам. Он напустил на себя максимально кроткий вид и заговорил ележным голосом:

— Владыка Цзинься, шиди Цинхэ так часто и с таким восторгом рассказывал мне о Горе Неоставления. Ваша обитель — истинная святыня для всех заклинателей Девяти Провинций. Я всю жизнь мечтал увидеть её своими глазами.

— Ну, святыней её называть пожалуй слишком громко, — с вежливой улыбкой парировал Цзинься. — У нас царит суровая дисциплина, и молодым адептам приходится несладко. Многие едва выдерживают наши правила.

Тиншуан натолкнулся на вежливый отказ, но отступить не собирался. В его голосе прорезались нотки нетерпения:

— Путь самосовершенствования и должен быть подобен закалке стали в горниле... Владыка, я не смею ни на что претендовать, однако я уже очень давно застрял на пике ступени Возведения Основания. До меня дошли слухи, что вскоре ворота вашей тайной обители откроются для талантливых заклинателей со всего мира. Пусть мои способности скромны, но я бы хотел испытать себя.

Прежде чем владыка Цзинься успел ответить, за его спиной раздался звонкий, чистый голос одного из двух румяных доводцев-отроков:

— Шисюн, хотя тайная обитель Горы Неоставления и не требует от кандидатов запредельного уровня культивации, её ворота открываются лишь перед теми, кто глубоко постиг суть Дао. Даже нам двоим, при всём уважении, туда ходу нет.

Тиншуан с трудом подавил высокомерный взгляд, стараясь казаться доброжелательным старшим товарищем:

— Позвольте спросить, юные друзья, раз постижение Дао — вещь неосязаемая, то как именно вы измеряете его глубину?

Второй мальчик, Цинфэн, тихо усмехнулся:

— О, это проще простого. Достаточно продержаться хотя бы время горения одной палочки благовоний под Зонтом Первозданного Хаоса Земли и Неба.

В руках отрока тут же материализовался старый бумажный зонт. Скромный с виду предмет мгновенно распространил вокруг себя волну сокрушительной, вековой мощи, заставив даже Шан Цинъюэ удивлённо прищуриться.

— Шисюн не желает ли рискнуть? — с лукавой улыбкой спросил мальчик.

Шан Цинъюэ едва заметно нахмурился, собираясь вмешаться, но Тиншуан даже не взглянул на учителя. Уловив молчаливое одобрение на лице владыки Цзинься, он с готовностью кивнул, уверенный в своих силах.

Мальчик не стал медлить. Одним плавным движением он взметнул зонт и раскрыл его прямо над головой Янь Тиншуана.

В то же мгновение на юношу обрушилась сокрушительная лавина чудовищной силы. Тиншуан судорожно вздохнул, пытаясь удержать равновесие, но мир вокруг него с треском раскололся. Изящный зал, утопающий в облачной дымке, бесследно растаял. Вместо него раскинулось бескрайнее, смрадное море крови и гниющих трупов. Отвратительный, удушливый запах разложения мгновенно забил горло. Куски скользкой плоти под действием чёрной скверны извивались и слепо тянулись к нему, пытаясь разорвать на части. Из багрового тумана с истошным воем хлынули призраки, их ледяные когти впивались в его меридианы, протискиваясь сквозь поры прямо в кости. Тиншуан застыл, не в силах даже шевельнуть пальцем. Он чувствовал, как по его телу расползается скользкая, змеиная мерзость, а невидимый пресс давит с такой силой, словно вознамерился стереть его в порошок. Стоило открыть глаза — и перед взором пульсировала лишь кошмарная каша из шевелящихся потрохов, а ледяное дыхание самой смерти уже щекотало шею.

— А-а-а!

Дикий, истошный вопль разорвал тишину зала. Янь Тиншуан кубарем покатился назад и рухнул на колени. Из уголка его рта брызнула тёмная кровь. Обезумев от ужаса, он вцепился дрожащими руками в белоснежный рукав Шан Цинъюэ, пытаясь полностью спрятаться за его спиной.

— Учитель... Учитель, спаси меня!

В глазах юного доводца промелькнула едва заметная, пренебрежительная усмешка. Он крутанул зонт в руке и небрежно спрятал его обратно в рукав.

Иллюзии Зонта Первозданного Хаоса Земли и Неба воздействовали лишь на того, над кем его раскрывали. Со стороны всё выглядело до убожества просто: стоило артефакту коснуться макушки Тиншуана, как тот мгновенно, позорно и с треском провалил испытание.

На губах владыки Цзинься заиграла едва заметная, ироничная усмешка.

Его первые догадки подтвердились целиком и полностью. Этот хваленый младший ученик Достопочтенного Меча оказался абсолютно тепличным цветком, не выдавшим реального боя. Судя по всему, этот изнеженный мальчишка никогда в жизни не сталкивался с настоящей демонической скверной. Оставалось лишь догадываться, какими обходными путями он заполучил свои хваленые уровни культивации.

Священный долг любого заклинателя — искоренять зло и защищать истинный путь. Видеть столь жалкого барчука, не способного выдержать и секунды давления, было горько. Истинный владыка лишь молча сокрушался о том, в чьи недостойные руки попал такой выдающийся дар небес.

Однако сердце Шан Цинъюэ сжалось от острой жалости. Он души не чаял в Тиншуане и не мог вынести страданий своего любимца. Позабыв о гордости и приличиях перед гостями, Достопочтенный Меч распахнул широкие белоснежные рукава, прижимая дрожащего юношу к себе и нежно поглаживая его по спине.

— Артефакт Истинного владыки воистину сокрушителен, — холодно процедил он, и в его голосе отчётливо послышался ледяной гнев.

Поняв, что Достопочтенный Меч не на шутку разгневан, отроки переглянулись и поспешно опустили головы, уставившись на собственные носки и затаив дыхание.

Владыка Цзинься шутливо погрозил пальцем Цинфэну, беззлобно жуя его:

— Цинфэн, паршивец, ну что ты натворил?

Мальчик озорно высунул кончик языка:

— Ученик виноват, проявил излишнюю дерзость. Я-то наивно полагал, что раз Даосский орден Куньлунь высится на заснеженной вершине мира, то и дух местных адептов крепок, словно вековой лед. Я думал, все они под стать тому самому легендарному первому ученику.

Ли Цинхэ, сидевший до этого тише воды, ниже травы, при этих словах заметно напрягся, его лицо мгновенно окаменело.

Удушающая тяжесть рассеялась так же быстро, как и нахлынула. Прильнув к груди наставника, Тиншуан наконец-то смог сделать нормальный вдох. Но в глубине его души бушевало дикое, уязвлённое самолюбие. Под широкими рукавами его пальцы сжались так, что ногти впились в ладони до крови, а зубы заскрипели от ярости.

«Этот старик Цзинься — всего лишь такой же Достопочтенный, как мой учитель! — бешено крутилось в его голове. — Да если дело дойдёт до настоящего боя, мой наставник мечников сотрёт этого мастера защитных барьеров в порошок за пару ударов!» С какой стати он терпит эти издевательства?

Злоба и досада душили его. Да, он ещё не сформировал Золотое Ядро, но Шан Цинъюэ был для него не просто строгим учителем — он был его возлюбленным! Скоро они объявят о своём союзе перед всем миром. Неужели владыка Цзинься настолько глуп, что готов смертельно оскорбить Достопочтенного Меча ради дешёвой забавы своих слуг?

Но окружающие, казалось, напрочь забыли о жалком юноше. Озорной Цинфэн с улыбкой повернулся к Ли Цинхэ:

— Шисюн Цинхэ, учитель ведь только ради этого и проделал столь долгий путь. Он безумно хочет отыскать того самого «маленького шисюна», для которого на Горе Неоставления уже много лет пустует почётное место первого ученика. Куньлунь — твоя родная обитель, и тот заветный жетон тогда остался у тебя. Скажи, тебе удалось разузнать хоть что-нибудь?

Мальчик не стал озвучивать постыдную правду при посторонних, пощадив гордость Ли Цинхэ.

А дело было в том, что когда Ли Цинхэ официально вошёл в орден Горы Неоставления, владыка Цзинься при детальном разговоре с ужасом осознал свою ошибку: он спас и забрал совсем не того юношу. Пять лет назад, будучи смертельно раненным во время странствий, Цзинься в спешке отдал свой личный жетон юному гению, пообещав сделать его своим преемником. Но когда раны затянулись и он вернулся за ним, его учеником по нелепой случайности стал Ли Цинхэ.

Конечно, владыка Цзинься не стал выгонять Ли Цинхэ — Гора Неоставления была милосердна, и одним учеником больше, одним меньше, роли не играло. Но образ того невероятного юного дарования не давал ему покоя. Цзинься даже официально закрепил за ним место за кулисами, так что на Пике Парчового Облака все знали о существовании загадочного «маленького шисюна», которого никто никогда не видел.

Однако ровно пять лет назад в Даосском ордене Куньлунь разразилась страшная трагедия. Ли Цинхэ тогда чудом уцелел, но его разум помутился, а часть воспоминаний стёрлась из-за сильного потрясения. Он долгие годы пребывал в тумане и напрочь забыл, кто же на самом деле являлся истинным владельцем заветного нефритового жетона.

Все эти пять лет владыка Цзинься терпеливо ждал. Он даже упросил свою шимэй, Истинного владыку Даньдин, лечить затуманенный разум Ли Цинхэ редчайшими снадобьями, уповая на то, что тот наконец вспомнит имя его желанного преемника.

Ли Цинхэ поспешно отвёл взгляд от Цинфэна. Сделав глубокий, судорожный вдох, он внезапно опустил на колени прямо перед наставником.

— Простите вашего ничтожного ученика, учитель! — глухо произнёс он, низко склоняя голову.
— Я знал, как высоко вы цените истинный талант, а потому долго не решался открыть вам горькую правду... Тот человек действительно обладал выдающимся даром, но его сердце оказалось гнилым, а разум — слабым. Вскоре после вашего ухода на Гору он поддался внутренним демонам и впал в безумие. Он предал весь людской род, вступив в преступный сговор с отродьями бездны. Его злодеяниям... нет прощения, им нет числа.

Владыка Цзинься ошеломлённо застыл.

Стоявшие за его спиной мальчики онемели от шока. На лице второго доводца, Цинлая, который до этого хранил молчание, мгновенно вспыхнул яростный румянец. Он не выдержал и запальчиво выкрикнул:

— Это ложь! Этого просто не может быть!

<http://bllate.org/book/20278/2131159>